

— Ага, а сколько, по-твоему, я должен был есть? Я его прогнал.

Шэнь Нин удивился, что иностранец так легко отстал. Хотя ему и было любопытно, сейчас было не время расспрашивать. Он попросил Лю И сначала забрать его домой — у него начался приступ.

Лю И был потрясён. Приступы у Шэнь Нина случались не раз и не два, но всегда дома, а в общественном месте — впервые.

— Ты в порядке? Где ты сейчас? Тебя кто-нибудь видел?

— Нет, я в комнате отдыха.

— Ну хорошо, я сейчас приеду.

Шэнь Нин думал, что хорошо всё скрыл, и никто ничего не заметит. Он не знал, что его секрет уже раскрыт тем, кто ненавидит его больше всех, и уж тем более не догадывался, что со следующего дня кто-то начнёт тайно расследовать его медицинскую историю: в какие больницы он обращался, каких врачей посещал, что именно за болезнь, какова степень тяжести и т.д. Вскоре Хань Вэньцзюнь получила общее представление.

Это было направление расследования, которое Ся Лижэнь никогда не затрагивал, — кому могло прийти в голову, что Шэнь Нин может заболеть?

Когда Лю И приехал в комнату отдыха на выставке, он обнаружил, что Шэнь Нин уже уснул. Он тут же остолбенел: у человека слишком лёгкое сердце, раз он смог заснуть в такой ситуации. Неужели всё настолько плохо?

Дело было не в лёгком сердце Шэнь Нина. С его болезнью нельзя было торопиться, спокойствие было сейчас лучшим способом облегчить состояние. Сначала он тоже нервничал и тревожился, но, привыкнув, постепенно расслабился. Каждый раз он просто находил место, где можно было спокойно прилечь и отдохнуть, и головокружение ослабевало.

Разбудив Шэнь Нина, Лю И всю дорогу обратно болтал без умолку, и речь шла о том самом Мейнарде.

— Он словно с ума сошёл, предлагал мне поехать с ним к нему домой. С какой стати я должен с ним идти? Даже если бы он был красавцем, да ещё и пассивом, я бы с ним не пошёл.

— А где он живёт? Судя по его такому произношению путунхуа, он, наверное, не постоянно живёт в Китае.

— Я не спрашивал. Всё равно не собираюсь ехать, зачем спрашивать?

— Вы не поссорились?

— Нет. Раз уж он тебе помог, нельзя же пользоваться и бросать. Я просто кое-как отделался, дал ему номер телефона.

— Извини за беспокойство.

— Если знаешь, что беспокоюсь, так не проси! Кстати, что он тебе там помог?

Шэнь Нин рассказал о произошедшем с Хань Вэньцзюнь и Лю Цзе, и Лю И моментально

взорвался.

— Чёрт возьми, они что, ослепли? Я такой статный и видный, а они называют меня угрюмым?!

Шэнь Нин... Кажется, ты не туда смотришь.

Лю И считал Хань Вэньцзюнь настоящим бедствием.

— Хоть Лю Цзе и мой заклятый враг, обычно он довольно умело подлизывается — в этом он лучше меня, не станет зря ссориться с людьми. Не думал, что проведя с Хань Вэньцзюнь не так уж много времени, он станет таким наглым. Видно, обычно он всё сдерживал.

Недавно от матери он узнал, что Лю Цзе беспрекословно подчиняется Хань Вэньцзюнь: если она говорит иди на восток, он не посмеет пойти на запад, скажет гони кур — не тронет собак. Похоже, он твёрдо решил прицепиться к могучей семье Хань.

Шэнь Нин всё же слегка волновался за Лю И.

— А как там твоё дело? Ты же основал студию на стороне, есть прогресс?

Лю Цзе, по крайней мере, имел ресурсы внутри корпорации Лю, а Лю И начинал с нуля. Лишь несколько бывших подчинённых вышли вместе с ним, чтобы работать самостоятельно. Но хорошо, что он носит фамилию Лю — Лю Линфэн не придавал большого значения его бунтарству. Каким бы ни был конечный результат развития Лю И, это всё равно дело семьи Лю. Он не помогал из пристрастия, но и не ставил палки в колёса, просто считал это открытием филиала.

— Должно быть, всё в порядке. Раньше он вообще не сталкивался с этой сферой, да и старые лисы в компании не лыком шиты — хотят поставить его на место, чем мне очень помогли. Думаю, результаты будут после Нового года.

Разговаривая, они доехали до дома Шэнь Нина. Лю И помог ему войти.

— Думаю, пора уже определять тех людей, которых я искал. На следующей неделе познакомлю тебя с ними. Пусть лучше поживут здесь пораньше, привыкнут.

Те люди, которых Лю И нашёл для Шэнь Нина, были сиделками, почти что нянями, очень надёжными, с большим опытом работы и умевшие держать язык за зубами.

— ...Хорошо, — кивнул Шэнь Нин, на душе у него стало немного горько. Неужели теперь всегда так и будет жить?

Только войдя в дом, Лю И получил звонок от Мейнарда, который приглашал его на ужин. Лю И кое-как отбрехался, сказал, что занят, как-нибудь в другой раз. Он хотел подождать, пока пыл того поутихнет. Судя по всему, Мейnard был активом, а Лю И совершенно не интересовался пассивной ролью.

* * *

Спустя несколько дней Хань Вэньцзюнь получила результаты расследования о Шэнь Нине. Всё она поручила Лю Цзе, велев сохранять строгую секретность, никому не рассказывать, лучше даже родителям, чтобы те по неосторожности не проболтались.

Лю Цзе подумал, что Хань Вэньцзюнь волнуется за Ся Лижэня — всё-таки они друзья. Видя,

что Ся Лижэнь, кажется, до сих пор не забыл старые чувства к Шэнь Нину, узнав о его болезни, он может забеспокоиться. Лю Цзе считал это смешным: не мог понять, что за причуда у Ся Лижэня. Его же наставили рога, а он всё такой же. Мужик ли он вообще? Будь на его месте, Лю Цзе устроил бы фейерверк в честь праздника, а не беспокоился бы ни о чём.

Но этих слов он никогда не осмеливался сказать Хань Вэньцзюнь — всё ещё надеялся через неё примазаться к Ся Лижэню.

Он и не подозревал, что Хань Вэньцзюнь и Ся Лижэнь уже давно в ссоре.

Его не беспокоило, что у девушки есть такой выдающийся друг-мужчина — тому явно нравились мужчины, так о чём волноваться? Он даже говорил Хань Вэньцзюнь:

— Уговори Ся Лижэня, такой человек, как Шэнь Нин, того не стоит. Он же может найти кого угодно, зачем ему такой?

Хань Вэньцзюнь подумала: он даже не берёт мои звонки, как я его уговаривать буду? Но теперь всё хорошо.

Взяв отчёт о расследовании Шэнь Нина, она прищурилась. Не могла же она представить, что проблемы со зрением у Шэнь Нина начались так давно. Видимо, когда он расстался с Ся Лижэнем, в этом была причина.

Раньше она не могла понять, почему Шэнь Нин, словно ища смерти, поссорился с Ся Лижэнем, но теперь, наконец, появились зацепки.

Либо из-за чувства неполноценности, либо из-за желания быть святым — уйти ради блага Ся Лижэня. Такие святые мысли, по её мнению, бывают только в телесериалах и романах, поэтому, скорее всего, Шэнь Нин просто чувствовал себя неполноценным, боялся, что Ся Лижэнь им пренебрежёт.

Этот анализ улучшил её настроение. Слепой и должен чувствовать себя неполноценным. Художник, который ослеп, на что он ещё годен? А сегодня его картина даже была продана, говорят, недавняя работа. Раз у него такие проблемы со зрением, как он может рисовать?

Не то чтобы она была параноиком, но ей всё время казалось, что у Шэнь Нина есть какой-то расчёт, скрывая проблемы со зрением. Возможно, он уже вообще не может рисовать, и эта картина либо написана давно, либо кем-то другим, а он просто продолжает зарабатывать на своём имени. Если люди узнают, что он слеп, не перекрыть ли ему источник дохода?

Хань Вэньцзюнь считала, что это тоже необходимо выяснить. Нужно поручить кому-нибудь как следует проверить, сам ли Шэнь Нин создаёт свои последние картины.

Если нет... хм, тогда будет на что посмотреть. Нет ничего приятнее, чем смотреть, как враг теряет лицо и репутацию.

— Господин Шэнь, температура воды, кажется, уже подходящая. Посмотрите, удобно ли.

Трое мужчин-сиделок, которых нанял для Шэнь Нина Лю И, были очень старательны и ответственны, имели богатый опыт работы. Всё было сделано в полном соответствии с пожеланиями Шэнь Нина — профессионально, но при этом с уважением к его мнению. Многие вещи они обсуждали с Шэнь Нином перед тем, как сделать, даже зная о его плохом зрении и частых приступах слепоты.

Шэнь Нин протянул руку, потрогал воду в ванне — температура была в самый раз, — и кивнул:

— Хорошо, выйдите пока.

Он снял халат и осторожно ступил в ванну. Внутри эта ванна была не округлой, а прямоугольной, дно обработано против скольжения — он специально выбрал такую, боясь поскользнуться.

После выставки состояние Шэнь Нина ухудшилось, периоды слепоты становились всё длиннее, иногда он не видел по два-три дня подряд. Он обращался в больницу, но врачи ничего не могли поделать. Операция оставалась прежней: высококласные специалисты рекомендовали её не делать, а тем, у кого навыки были средними, Шэнь Нин не решался довериться.

Он понимал, что, скорее всего, так и будет дальше. Длительное давление на зрительный нерв — и через несколько лет, даже если появится технология для операции, восстановиться уже не удастся, зрительный нерв атрофируется.

Лю Цзе активно расследовал дело Шэнь Нина. Он обнаружил, что тот в последнее время редко выходит из дома, и ничего нельзя было разузнать. Что касается того, кто на самом деле рисовал картины Шэнь Нина, не нанимал ли он подставного художника, — об этом и подавно ничего не было известно. Картины создавались дома, и если никто не видел, то кто знает, кто их рисовал.

<http://bllate.org/book/15586/1387933>